

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Моя мать ведьма-футанари... опять. Часть вторая

Я лежал на кушетке, связанный по рукам и ногам, с шариковым кляпом во рту, а анальной пробкой в сами знаете, и размышлял, за что же это со мной случилось. Ответ напрашивался сам — за безразличие и невнимательность. Ведь нельзя даже предположить, что за время, прожитое с мамой, я не имел возможности узнать мамин секрет. Даже в вечных её нотациях проскальзывали фразы: «когда будешь готов, подойди ко-мне, я кое-что тебе расскажу», «я не против твоих друзей и вечеринок, но я твоя мать и мне тоже необходимо твоё внимание», «я хотела бы поговорить на одну важную тему прямо сейчас». Я вечно отмахивался, отнекивался, сбегал, игнорировал. Игнорировал я и приоткрытые двери ванной, когда она мылась, и её комнаты по ночам. Ведь я никогда и представить себе не мог её как сексуального партнёра. Хотя с её стороны была такая же инфантильность — пропадающей периодически вибратор, абонемент в фитнес, длинные волосы, обильное использование крема для кожи и регулярные походы на вечеринки могли бы подсказать ей, что я уже готов, к её разговору. И лифчик... Лифчик, что я купил для себя и который она нашла у меня под подушкой. Она ведь приняла его за свой! И ещё долго не могла понять, почему он не её размера. Пока я не стащил его обратно. О чём она благополучно забыла. Два идиота, блин, по очереди догоняющие друг друга в крошечной тьме. Пока один стоит и молчит, другой со всей скорости бежит в случайную сторону и обязательно во что-нибудь врежется, отбивая у себя желание искать снова.

Насколько мог, я сместил глаза в сторону часов. Уже пять часов в этой позе. И четвёртая поза с этой пробкой. Надеюсь, что меня покормят перед следующей процедурой. Несмотря на распухший, от расширенной пробки, низ живота, голод давал о себе знать. Выпитая двенадцать часов назад сладкая жижа давно уже рассосалась. Жажда, как ни странно, не мучила, благодаря странному кляпу, который очень медленно таял, капая освежающей влагой о на язык, то прямо в горло, вызывая кашель. Но это хоть лучше, чем ничего. Согнутые в коленях ноги давно уже онемели, как и задранные над головой связанные руки. Только валик под поясницей продолжал причинять страдание, хоть уже и не такое. Складывалось отчётливое ощущение, что здесь не столько тренируют мою сексуальную выносливость, сколько учат меня смирению.

Дверь, расположенная у меня за спиной, еле слышно скрипнула. «Сейчас снова будут ворочать» — подумал я, и не ошибся. Первой, как обычно, вошла смуглокожая женщина с синим символом во лбу. Что-то вроде о-очень короткого двустороннего трезубца. За ней привычно следовали два тела. Точнее и не скажешь — телами они и были. Двухметровые, в два раза шире меня, с огромными ручищами и бесформенными огромными грудями с ного до головы плотно обмотанные чёрным тряпьем они служили смуглой госпоже для переноски тяжестей, вроде кушеток и резервуаров с жидкостями. Они на разу и пальцем меня не тронули. Госпожа не нуждалась в грубой силе.

Изящным движением она расстегнула по очереди ремни вокруг моих конечностей, а потом жестом велела мне встать. На этот раз я совладал с собой и, всего лишь, поспешно свесив ноги, встал. В первый раз от одного её жеста меня как будто подбросило в воздух, случайно дёргая моими конечностями. Естественно, я свалился. Последующие разы я не успевал сгруппироваться или поставить обе ноги, поэтому всё равно падал на пол. И вот наконец-то я

всё успел и встал на обе ноги! Без особого успеха, кстати: онемевшие от длительного связывания ноги тут же разъехались в разные стороны, уронив меня к ногам женщины.

Я лежал на полу, переживая судороги в оживающих конечностях и рассматривал госпожу. Прямо передо мной были её аккуратные босые ноги, с аккуратно сточенными в ноль ногтями, выкрашенными шафрановым лаком. Дальше, прямо от щиколоток, начиналось синее платье, свободное книзу, но плотно облегающее узкую талию, большие крепкие груди и шею. На прикрытых длинными рукавами запястьях звенели связки блестящих золотом монет неизвестной чеканки. Пальцы были унизаны массивными перстнями с полудрагоценными камнями. Иссиня-чёрные волосы, собранные в тугую косу, были украшены жемчужной нитью, а в ушах блестели два огромных голубых драгоценных камня, подвешенных на изящных золотых крючках. Исходящий от неё запах был сладким, но не приторным, напоминая бананы или ту траву, что мы жевали в детстве. Таким запахом хотелось дышать полной грудью и бежать, бежать, бежать на встречу новому.

В попытке встать, я привстал на колени, в то время, как голова и руки продолжали касаться пола. Вдруг госпожа снова заговорила. То есть она произнесла всего один горловой слог, чем-то похожий на «ёй», но всё моё тело от этого звучания застыло. Некоторое время ничего не происходило, потом я почувствовал, как мою анальную пробку что-то мучительно неспешно потянуло. Моя пострадавшаяся попочка с трудом поддавалась, а я прикладывал все силы, чтобы максимально её расслабить. Достигнув своего самого широкого места, пробка, с громким «чпок», покинула моё нутро, оставив зияющее отверстие, которое тут же полили чем-то прохладным и маслянистым. Спустя пару мгновений меня неторопливо, но больно приподняли за волосы и отстегнули кляп. После чего отпустили и я неприятно шлёпнулся о каменный пол щекой. Лёгкий шелест платья подсказал мне что госпожа отошла куда-то и повернулась.

Собравшись с силами, я поднялся на ещё болевшие ноги. На этот раз моя попытка увенчалась успехом и я встал, скрестив на паху руки и опустив глаза в пол. В первую нашу встречу я имел неосторожность взглянуть госпоже в глаза с вызовом, после чего она одним непонятным словом заставила меня пожалеть об этом. Буквально. Я ни о чём в жизни так не жалел. Я чувствовал себя последней мразью, червём, никем. Мне даже хотелось, чтобы моя никчёмная жизнь оборвалась, чтобы мир стал лучше. Я по-моему заплакал и упал на колени, закрыв лицо руками. Выждав некоторое время, госпожа произнесла целую фразу, после которой всё прошло. Не ожидая, пока она снова заговорит, я поспешил встать на ноги. Вскользь я заметил улыбку, трогнувшую её губы. В этот раз я не решался смотреть выше её талии, поэтому просто разглядывал свои ноги. За последние несколько дней, проведённые в этой комнате с вечно светлыми окнами, ногти мои слегка отрасли, между пальцев забились грязь, а вечно перетянутое ремнями состояние сказалось нездоровой синевой. Руки были ненамного лучше. Вены вздулись, кости выделились. Коротко сказать — зрелище печальное. Я так увлёкся разглядыванием своих конечностей, что госпоже пришлось дважды позвать меня по имени, чтобы привлечь моё внимание. Когда я поднял взгляд, она стояла у стены с окнами, лицом ко мне. Прямо передо мной тела опускали серебряную ёмкость на вычурных ножках. Ёмкость была длиной метра два, шириной в метр, глубиной в тридцать сантиметров и наполнена до половины розовой жидкостью, в которой плавала серебряная подушка. Госпожа кивнула мне на неё и я осторожно сел в эту ёмкость. Тёплая жидкость была ощутимее гуще воды и не затекала в мою неплотно закрывшуюся дырочку. Я глянул на

госпожу и та кивнула мне ещё раз. Я аккуратно лёг. Подушка оказалась мягкой, словно надувной, жидкость приятно обволакивала моё утомлённое длительным связыванием и постоянной прохладой тело. Лёгкий аптечный запах окружил меня, завлекая в сон и я уснул, не успев даже сомкнуть до конца глаз.

Снился мне мой колледж, однокурсники и преподаватели, начавшие вдруг вести лекции на непонятных языках. Каждый на своём. Все однокурсники добросовестно конспектировали, даже те, кто с роду на парах не писал. Пока я пытался сообразить, что же такое говорит лектор, аудитория менялась, лекторы сменяли друг друга, а я всё никак не мог начать конспект. В конце концов мы добрались до аудитории по специальности. Преподаватель, седой старичок полтора метра ростом, уснул за своим столом, как оно иногда бывало. Скрип ручек в аудитории стал наоборот громче. Тут я начал озираться. Все яростно что-то строчили. Чтобы разобраться, что же происходит, я решил обратиться к Сане, сидевшему слева от меня. Саня, как всегда, сидел со своей девушкой, писал что-то правой рукой, а левую руку держал под партой. Его девушка тоже писала, но не так рьяно, запустив себе левую руку в волосы. Когда Саня не ответил на три довольно громких обращения, я понял, что он весьма увлечён чем-то. А так как лекции его никогда не увлекали, то это было что-то связанное с левой рукой, которую он любил запустить своей спутнице между ног. Слегка возбуждись, я заглянул к ним под парту и похолодел. Между ног Сашиной девушки торчал огромный хер, упирившийся головкой в парту. И Саня, забросив лекцию, самозабвенно наяривал его левой рукой. Я оглянулся: по всей аудитории за партами сидели одни девушки, рядом с которыми из-под парты выглядывали спины. На последнем ряду незнакомая девочка со светлыми волосами, уложенными в две коротких торчащих косички, щемила в угол главного ботаника нашего курса, по совпадению тоже Саню. Тут меня кто-то схватил за плечо. Я обернулся. Передо мной стоял преподаватель. Он стого взглянул на меня и крикнул: — Чего ты медлишь? Они же ждут!

И рывком развернул меня направо, где я тут же зарылся носом в юбку. Отпрянув, я узнал в носительнице юбки Светлану — мою девушку.

— Какой нетерпеливый, — хихикнула Светлана и задрала юбку, показав мне белые трусики и стремительно растущий бугорок на них. За ней толпились все остальные девушки, с которыми у меня были отношения, кто в штанах, кто в юбке, и у всех угадывалось наличие члена под ними. Кто-то сжимал растущий бугорок, а кто-то уже достал свою елду на свет божий и страстно её гладил. Светлана резко двинула бёдрами мне навстречу, я отшатнулся назад слишком резко, потерял равновесие и...

Я проснулся от того, что вздрогнул. Лежал я на своей кровати в своей комнате. С кухни доносились звуки разговора. Живот мой выпирал, будто я пятый месяц носил ребёнка, а это значит, что все мои злоключения с мамой были вчера. Тогда всё было сном, наверное. Я прислушался. На кухне мама разговаривала с подружкой. Я приоделся, не застегнув джинсы, которые тупо на мне сейчас не сошлись бы, напялив майку и свитер потолще, чтобы скрыть мои формы. Точнее одну мою «форму»

Тихонечко я проскользнул в кухню и спрятался за холодильником, чтобы дослушать разговор.

— Теперь у вас нет выбора. Или Ковен заберёт его насовсем или ты добровольно отправишь его в школу. Твой мальчик не слаб ни умом, ни волей, поэтому контролировать его тебе удастся. А если он ещё и начнёт вести себя подозрительно, то на него может выйти и кто-нибудь кроме

Ковена, и хорошо бы это были современные кланы, а не какие-нибудь помешанные отродоксы. Ведь твой мальчик после восемнадцати лет смог сопротивляться твоей воле, а это значит, что потенциал у него есть. Ну чего ты молчишь? Реагируй хоть как-нибудь.

— Зачем вообще я вас послушала? Жили бы как жили... — хриплым голосом произнесла мама.

— Ну ничего себе! Здравствуйте называется. И это после того, как ты вместе с нами всю ночь пользовалась упругой попкой моего сына? Или тея так вино разморило? И, кстати, о сыне. Вот сходил же мой, вернулся настоящим пацаном. Среди дворовых самый ловкий, смелый и смекалистый, навалить может так, что глазом моргнуть не успеешь, зато дома ходит шёлковый. Проснулся, кровать заправил, уже на кухне, завтрак готовит. Стоит в своих коротеньких шортах, попкой виляет, а как завтрак закончит, сдвинет шортики в сторону, спинку прогнёт, да попку оттопырит, не важно — заметил меня он или нет. Вот какая у них там муштра, твоему на пользу тоже пойдёт.

— Ну так твой же в шестнадцать пошёл. Его два года к этому готовили. Тем более, что он у тебя изначально другой был. Всё мамочка, мамочка, к груди твоей жался до двенадцати. И теперь он от тебя ни на шаг. А я... я не знаю. Я не хочу для своего сына такой жизни, наверное. Для себя я хотела бы такого сына, но он не такой...

Всё происходящее вызывало у меня стойкое ощущение дежавю. Я привалился головой к холодильнику и размышлял о будущем.

— Эй! — раздалось рядом. Я чуть не подскочил от неожиданности. Рядом со мной стояла незнакомая девчонка, моя, наверно, ровесница. Волосы на голове её были заплетены в две коротких торчащих косички и я понял, что видел её во сне. — К этому моменту разговора ты уже ушёл.

— Ты кто? — обалдело спросил я

— Возможно, всего лишь сон. А теперь, раз ты оказался в моей власти, я хотела бы кое-что с тобой сделать.

Мягко ступая, она прижала меня к стенке и прильнула к моей груди. Пару мгновений мы стояли так, но когда я попытался заговорить, она прикрыла ладонью мой рот.

— Молчи, симпатяга, я всё сделаю сама.

С этими словами она сползла вниз, ловко спустила вниз мои джинсы вместе с трусами и целиком проглотила весь мой детородный агрегат вместе с группой поддержки. Было очень щёкотно и слегка больно и немного приятно. приоткрытую дырочку. Незнакомка тут же приставила свой скипетр к моему входу, но в последний момент задумалась. — Давай-ка повернём всё интереснее! — Я услышал щелчок пальцами и комната вдруг поплыла передо мной, разворачиваясь, пока я не увидел снова незнакомку и свою собственную спину. После этого она поманила меня пальцем и я приблизился, чтобы в полной мере оценить массивность её девичьего члена, плотно упёршегося в мою девственную попку. У меня бы отвалилась челюсть, но я даже не знал, есть ли у меня сейчас она или вообще ЧТО? — Так-то лучше! — с этими словами она начала запихивать своего скользкого от моих слюнок джентельмена в мой чёрный ход. Мои границы на удивление легко поддались, и оставшуюся половину девушка засадила мне с размаху, вызвав сладкую истому в животе. И тут же вытащила и засадила снова, мощно, но уже не так быстро. Так, не спеша, но и не медленно, она насаживала меня, а я наблюдал. Было в этом что-то противоестественное, но дико возбуждающее. Одной рукой незнакомка придерживала меня за талию, а другой мяла мои

яички и катала по животу слегка набухчий член, удваивая удовольствие. Потихоньку она ускорила движение и начала подрачивать мой растущий орган. Вот тогда и пришёл восторг. Мне не хватало воздуха, в глазах рябило, сердце колотилось, а налившийся силой ужик готов был разразиться, хотя, кажется, было уже нечем. Приближающийся оргазм стущал краски, обострял ощущения, повышал градус восторга и грозил закончиться вот-вот, вот, вот..

Все мои внутренности сжались в едином импульсе, глаза закрылись, весь воздух из лёгких вышел, руки подогнулись, член дрогнул и застыл на секунду, а затем закапал прозрачным нектаром. Я вдруг оказался повсюду в комнате. Я мог взглянуть на происходящее с любой стороны, но я просто был повсюду и всё чувствовал. Это было прекрасно! Я даже не заметил, как моя благодетельница отозвала своё главное орудие, чтобы разрядиться в мой рот. Но не смогла попасть туда, ведь я был не в себе, я вообще был нигде. Она обильно заливала спермой моё лицо, а я даже не дышал. Не успел последний залп излиться на моё лицо, как я почувствовал что-то неладное. Я не мог вздохнуть. Никак.

К тому моменту, как незнакомка отошла от оргазма и смогла открыть глаза, я всюду катался по полу, не в силах ни вдохнуть, ни издать какой-либо звук. Беспорядочно двигая руками, я периодически хватался за горло, да и вообще вёл себя как припадочный. Непонимающе посмотрев на меня пару секунд, девушка бросилась на помощь. Положив мне руку на грудь, она спокойным голосом говорила мне успокоиться. Всё повторяла и повторяла, пока я не перестал беспорядочно метаться. После этого она стала медленно-медленно приподнимать меня на локтях.

— Давай, давай. Ты, главное, крепко на локти опирайся. Да, вот так. Это ж надо было так увлечься. Ничего-ничего, немного осталось, ты глав...

Моих ноздрей коснулся прохладный воздух и я малодушно рванулся вперёд, судорожно вдыхая. В тот же миг пропало всё: комната, незнакомка, я. Зато возникла боль в плечах, затёкшей пояснице и лёгких. Я дёрнул руками и стало гораздо больнее, но руки не сдвинулись ни на миллиметр. Я постарался взять себя в руки и успокоиться. Дыханию ничего не мешало, поэтому я достаточно быстро успокоился. Тут же по лицу и рукам стало стекать что-то густое. Я дёрнул было правой рукой, чтобы посмотреть, что это, но тут же движение прекратилось, а мою руку намертво заклинило. Тогда я плавно и медленно потянул левую руку. Она поддалась и я смог поднести её к глазам, чтобы заметить, что я почти ничего не вижу. Вокруг были густые сумерки, в которых по кругу были расположены прямоугольные ящики. На секунду меня бросило в холодный пот: неужто гробы? Потом я заметил, что все оны стоят на подозрительно знакомых вычурных ножках. Я освободил вторую руку, наклонился и обнаружил, что сам я нахожусь в таком же ящике. В голове замерцало табло с ответом, но я никак не мог разглядеть надписи на нём. Точно! Продержав меня два дня в каменном мешке, женщина с трезубцем на лбу, окунула меня в розовую жижу и тогда я заснул. И, видимо, с головой погрузился в этот неньютонов кисель, отчего и проснулся. А снилось мне... Надо будет обдумать на досуге. Сумерки стремительно светлели и я обнаружил, что все ёмкости находятся под серым куполом. Под нами было выложенное мраморной мозаикой изображение огромного спирографа и каждый сосуд занимал пересечение линий. В центре, естественно, никого не было. Я увлёкся разглядыванием окружения, что не заметил, как купол начал таять. Спихватился я только когда внутри стали долетать звуки собравшейся толпы. Я лёг снова на место и понял, что жидкость не торопится принимать меня обратно. Она сильно загустела с момента моего погружения в неё и теперь моя грудь торчала наравне с

головой. Когда купол наполовину растаял, сквозь его завесу прошла одинокая фигура. По мере её приближения, я смог выделить высокую золотую нелепую шляпу, затем широкий воротник синего плаща и, наконец, узнал женщину с трезубцем на голове. Неслышно спуская голыми ступнями, она несла на вытянутых руках блестящую белым чашу. Вместо платья на ней были звенящие железом штаны, жёлтая блуза, увешанная монетами и перевязанная повсюду красными лентами. Сверху был накинут синий плащ, раскинувший во все стороны свой воротник и, как я уже говорил, нелепая золотая, украшенная камнями шляпа. Двигалась она прямо ко мне и, видимо, заметила моё нестандартное положение и взгляд из-под прикрытых ресниц. Ответного её взгляда хватило, чтобы у меня онемели руки и ноги, сердце взяло передышку, а тело остыло как минимум на полградуса, а сама она пошла дальше, даже не сменив скорости.

Купол окончательно рассеился серым дымом и я увидел кусочек картины. Повсюду вокруг постамента, на котором мы находились, сидели на стульях юноши и девушки всех возрастов. По крайней мере я так предположил, потому что я видел небольшой сектор площади. Но, судя по звукам, так оно и было. Раздался хлопок и розовая жижа превратилась в пепел.

Громко и уверенно зазвучал голос госпожи. Я интуитивно понял, что надо выбраться из ёмкости. С трудом покинув её, я встал на колени, поскольку это было самым разумным, что может сделать голый парень перед госпожой на постаменте посреди толпы народа. Так же поступили и остальные, кто выбирался из соседних ванн. Высоко задрав чашу над головой, женщина затянула протяжную, хриплую горловую песню. Потихоньку она начала раскачиваться. Медленно раскачивался и я, думая, что за компанию, пока не понял, что я не могу не качаться. качалась вся площадь, насколько хватало глаз. Внезапно песня остановилась на самой высокой ноте, а женщина крикнула какое-то слово.

Видимо это было имя, поскольку один мальчонка из передних рядов подполз к её ногам, в ответ на что ему любовно дали отпить из чаши. Так продолжалось некоторое время, пока не огласили двенадцать имён. Потом госпожа позвала всех. Потять это было очень просто — не подойти было невозможно. Пока мы подползали, госпожа расплескала содержимое чаши вокруг себя. Жестом госпожа показала нам поклониться и все мы широким кругом поклонились, коснувшись головой разлитого содержимого чаши, напоминающего густой молочный кисель. Он прилип к нашим волосам и женщина улыбнулась, видя это. Она завела новую песню, обходя по кругу всех нас и глядя нас по липким волосам. Когда она прошла мимо меня я вдруг начал понимать смысл песни. Не то, чтобы я различил слова, но сквозь звуки я прониик прямо в смысл

— ... как баобаба рост, бизона бег, грома гром, солнца ход, мужскому — женское. Как рыбе ход, банану вой, песку место, дождю обратный бег, молчанью гром, мужчине — колдовство. Дальше и смысл терялся, потихоньку переходя к понятиям, которых я не знал, о сотворении мира, о делении на мужчин и женщин, о божественном в нас и что-то про необратимость временного. Было сложно понимать это всё, как будто я читал вторую часть книги, понятия не имея, о чём первая. Госпожа пошла на второй круг, доставая из-за пазухи своей мантии металлические мужские пояса верности и застёгивая их на каждом мальчике, все на один ключ. Не миновала эта участь и меня.

Как только песня закончилась, Госпожа постояла пару секунд, после чего объявила:

— Церемония окончена. Кураторам курсов разобрать своих новичков и проследить, чтобы уже сегодня к вечеру все были на занятиях. Я буду следить за этим лично. Все остальные

расходятся по своим делам. Не нарушайте правил и не будете наказаны. Будьте навсегда.

Дальше, под пристальным взглядом госпожи, нас разбили на пять групп и повели в сторону белого здания, находившегося за рощей, окружающую площадь с постаментом. В здании каждая группа отправилась на свой этаж. Наш провожатый, парень двадцати лет, в сером бесформенном балахоне, провёл нас на самый верхний, пятый этаж. То есть здание шло и дальше, но туда уже никто не поднимался. Проведя нас длинным широким коридором, он привёл нас к большим двустворчатым дверям. Открыв их, он впустил нас в кафельную раздевалку с лавочками и шкафчиками.

— Раздевайтесь и бегите купаться. Можете провести здесь хоть целый день, наслаждайтесь! В другое время вам никто этого не позволит.

Мы неловко замялись. Один парень робко спросил:

— А как же занятия?

— За это не беспокойтесь. Сегодня за вас отвечаю я. И я говорю, купайтесь сколько влезет. И ещё, если вам это нужно, или вы не знаете, что делать — поплачьте. Может стать лучше. С этими словами он сам присел на лавку и стал раздеваться. А я направился в следующую комнату. Огромную душевую, с двумя отдельными кабинками, открытыми душами на двенадцать персон и огромным распылителем посреди комнаты. Я добрался до самого дальнего угла, включил тёплую воду и без сил лёг на кафель.

Надо было обстоятельно подумать.